

Елена Улановская • АПОКАЛИПСИС

Елена Улановская АПОКАЛИПСИС

Елена Улановская

Апокалипсис

«Издательские решения»

Улановская Е.

Апокалипсис / Е. Улановская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989922-4

Повесть Елены Улановской «Апокалипсис» с первых же страниц вовлекает нас в интригующий, динамичный, полный детективных подробностей мир. И хотя события, описанные в «Апокалипсисе» — выдуманные, создается полное ощущение реальности происходящего. В книге причудливо переплетаются страны и континенты, народы и религии, военные конфликты и человеческие судьбы. Описывая перипетии судьбы главной героини, автор нащупывает нужный нерв, удерживая читателя в напряжении. Н. Гастева, «Новый Журнал»
Нью-Йорк

ISBN 978-5-44-989922-4

© Улановская Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Апокалипсис

Елена Улановская

Редактор Наталия Гастева

Редактор Юлия Стоун

Иллюстратор Елена Гурович

Дизайнер обложки Наталия Коган

Фотограф Игорь Шрайбман

Фотограф Наташа Майко

© Елена Улановская, 2020

© Елена Гурович, иллюстрации, 2020

© Наталия Коган, дизайн обложки, 2020

© Игорь Шрайбман, фотографии, 2020

© Наташа Майко, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4498-9922-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Маленькая площадь перед портом Хайфы была плотно заполнена людьми. Постороннему наблюдателю картина на первый взгляд могла показаться вполне мирной: женщины и дети с чемоданами, баулами, сумками, ожидающие посадки на судно, чтобы отправиться в круиз по маршруту Израиль – Греция – Израиль. Все так и выглядело бы, если б не гнетущая тишина (все, даже дети, разговаривали только шёпотом), полное отсутствие в толпе мужчин и оцепление в виде моджахедов с автоматами Калашникова.

Эти бойцы специальных сборных мусульманских отрядов своим экзотическим видом вызывали в памяти старые советские фильмы о революционной борьбе в среднеазиатских республиках или более близкие к нашим дням события времен войны в Афганистане. А люди, собравшиеся на площади, даже человеку с менее богатым, чем у Алины, воображением, напоминали толпу евреев, ожидающих отправки в концлагерь.

На самом деле все было не так плохо, если на войне вообще может быть «не так плохо». По договоренности с ООН мирных жителей надлежало эвакуировать из районов, находящихся под контролем моджахедов, и только после этого можно было начинать «разборки». Весь север Израиля, включая Хайфу, был сдан без боя сборным мусульманским отрядам, тоже по договоренности с ООН и по личному указанию президента США (правительство Израиля уже давно не имело права голоса в таких вопросах). Регулярная армия Израиля, куда были мобилизованы все мужчины от семнадцати до шестидесяти лет, стояла около Тель-Авива, в ста километрах от Хайфы. Вследствие этого вопросами эвакуации населения в Хайфе и на севере занимались моджахеды.

Алина ни за что не снялась бы с места по собственной воле, ведь у нее в армии два сына, муж, брат и даже отец, записавшийся в отряд гражданской обороны. Но младшим детям оставаться в зоне боевых действий нельзя – пришлось собирать чемоданы...

На первом корабле отправлялись только женщины с детьми. Пропуска Алине и ее подруге Оксане помогла оформить Луиза – арабка-христианка, которая работала в угловом доме неподалеку от бывшего офиса Алины. Луиза организовала центр по борьбе с абортными в помещении бывшего бара с «девочками» для иностранных моряков, которым когда-то заправлял Гоша, старинный приятель Алины. Муж Луизы Анжело был крупным портовым начальником и пользовался некоторым доверием новоявленной власти как человек, говоривший на их языке, хотя и был «иноверцем».

Сейчас Луиза с двумя младшими детьми (старший был мобилизован в подразделение гражданской обороны) находилась метров на пятьдесят ближе к кораблю и энергично сигналлила им, пытаясь что-то показать на пальцах. Алина шепнула стоявшей рядом Оксане, которая сжимала плечо своего Давидика побелевшими от напряжения пальцами, чтобы та никуда без нее не двигалась и смотрела за чемоданами, сама же стала продираться сквозь чащу тел и багажа к Луизе, боясь хоть на секунду выпустить в этой толкучке руки детей.

Через несколько минут она слушала взволнованный шепот Луизы, мешавшей от волнения иврит с арабским: Анжело передал записку, что христианская миссия в Израиле, Русская православная церковь и российский консул получили разрешение вывезти своих людей самолетами: кого в Грецию, кого в Россию; здесь останутся только евреи, и – тут Луиза судорожно всхлипнула и прикрыла рот углом платка – он своими ушами слышал, как два высоких чина из моджахедов говорили между собой, что будто бы корабль будет взорван, как только выйдет в нейтральные воды.

Развернувшись на одеревеневших ногах, Алина посмотрела на Оксану. Та издали показывала ей какой-то розовый бланк, только что полученный от охранника. Точно такой же бланк

был в руках у Луизы. Алина несколько секунд пыталась прочесть написанное, строчки расплывались перед глазами – наконец, она поняла, что это арабская вязь. Луиза перевела:

– Вот, видишь: это моя фамилия, это религиозная принадлежность, это количество детей до 16 лет...

Пропуска, видимо, делались в спешке: фамилии и имена детей вписывать было некогда, количество детей проставили цифрами и – какая удача! – римскими: две палочки.

– Подержи сумку... – Алина начала расстегивать блузку.

Луиза округлившимися глазами смотрела на эти манипуляции в полной уверенности, что Алина тронулась умом. Не тратя времени на объяснение, Алина отстегнула булавку в подкладке лифчика (бабушкина школа) и достала сшитый из капронового чулка мешочек с золотыми украшениями: не королевские подвески, конечно, и не наследственные бриллианты – так, колечки да сережки, подаренные бывшим возлюбленным, а теперь мужем на дни рождения и прочие торжественные даты. Она быстро отсыпала половину золотых безделушек и спрятала в карман, а полегчавший мешочек пристегнула той же булавкой к цепочке на шее сына, предварительно сняв с нее жетон с именем и фамилией. Прodelав примерно такую же неприличную процедуру с джинсами и достав оттуда пачку купюр, Алина отсчитала две тысячи долларов – ровно половину того, что было припрятано, и сунула в руку онемевшей Луизе, забрав свою сумку.

– И последнее, – прошептала Алина, достав ручку и аккуратно вставляя в Луизин розовый «пропуск в жизнь» еще одну палочку, – Рон будет твой третий ребёнок. Ничего не прошу – любой приют, любые руки, – только чтобы остался жив.

Алина вложила ладошку сына в руку Луизы.

– Тетя Луиза теперь твоя мама, пока я не вернусь. Не показывай им, что ты не знаешь арабский, иначе они тебя убьют, – она кивнула Рону в сторону охранников. – Мы скоро встретимся.

Смышленный мальчик, поняв, что плакать сейчас не время, серьезно кивнул и прикусил губу. Алина поцеловала их: Луизу – в обе щеки крест-накрест, сынишку – в лоб, и, подняв дочурку на руки, стала пробираться назад, к Оксане. Только один раз она обернулась, чтобы проверить, как ребенок смотрится на фоне арабской семьи.

Какое счастье, что она решила перед школой побрить его налысо! Макушка успела подзагореть, да и сам он был почти шоколадный, недаром проводил с бабушкой на море целые дни. Яркую синеву глаз (в отца) прикрывали модные среди шестилетнего населения темные очки «как у летчиков», которые он успел выпросить у родителей по поводу поступления в школу. На голове красовался тоже очень модный козырек из «Макдональдса», который выдавали вместе с гигантским гамбургером (аппетит у Рона был отменный – тоже в отца). Сын Луизы и еще десятки стоящих на площади детей были экипированы точно так же.

«Да здравствует универсальная культура и всеобщая глобализация!» – продекламировала про себя Алина, слегка приободрившись от сознания того, что даже в такую минуту ее не покинуло чувство юмора, – и споткнулась о свой чемодан. Машенька, до сих пор молча прижимавшаяся к материнской щеке, кашлянула тонким жалобным смешком.

Оксана держала розовый листок на расстоянии вытянутой руки, как гремучую змею, и, хмуря рыжие брови, пыталась разобрать, что там написано.

– Они выкрикнули мой номер паспорта и фамилию на английском, а когда я отозвалась, один пробрался сюда, сунул мне это в руку и потащил нас к выходу. Я стала сопротивляться, – Оксану передернуло от страха и отвращения, – так он быстро оставил меня в покое.

– Еще бы, – с горечью хмыкнула Алина, – ему-то что: пара лишних трупов.

– Каких трупов, о чем ты? Да что ты делаешь?!

Опустив дочь на землю, Алина достала из карманов остатки своих «сокровищ» и бесцеремонно засовывала их Оксане в лифчик. Жетон с именем дочери она взяла себе, и, добавив к третьей графе в розовом бланке Оксаны еще одну палочку, потрепала Давидика по голове.

– Теперь Мари-Машенька будет твоей сестричкой. Береги её.

– Вот, – сказала она лишившейся дара речи подруге, – кто-то у нас очень не любит «гоев». А зря! Теперь справедливость восторжествует. Вы полетите в Россию на самолете президентской авиакомпании, а нас будут «немножечко взрывать».

Оксана была русской; в свое время она вышла замуж за еврея – то ли в силу широты своего характера, лишённого национальных предрассудков, то ли даже жалея его, горемычного и гонимого в родной Украине. Дочки ее стали «жидовочками», и сразу после перестройки семья засобиралась в Израиль. Оксане очень не хотелось оставлять мать с умирающим отцом и сестру с мужем-инвалидом – да чего ради детей не сделаешь. Здесь, в Израиле, ее девочки волшебным образом из «жидовочек» превратились в «русских», и в паспортах у них стоит прочерк. Совсем по классику: «Не мышонок, не лягушка, а неведома зверушка».

В армию их, правда, взяли охотно. И сидели теперь ее девчонки в раскаленных палатках в пустыне Негев, прослушивая радиосообщения соседней Иордании, – благо, арабский они добросовестно выучили. А у матери даже не было возможности попрощаться перед разлукой...

– А как же ты? – Оксана, опустившись на асфальт, шарила в чемодане. – Ну где же она?.. А, вот, нашла! Ты же знаешь, я неверующая, и мама тоже – а вот бабушка верила. Она у меня из глубинки, из Костромы. Эта иконка, по ее заверению, оберегает от смерти. Возьми...

– Лучше бы взрывонепробиваемый жилет... – угрюмо пошутила Алина.

Стараясь не расплакаться, Алина смотрела, как ее девочка семенит пухленькими ножками за Оксаной, вцепившись в руку Давидика, к которому всегда была равнодушна, и даже не оглядываясь в своей уверенности, что мама, как всегда, рядом. Только сейчас Алина осознала, как сильна вероятность того, что она не увидит эти ножки больше никогда.

Теперь, когда дети были спасены, она поверила, что обязательно отсюда вырвется – прорвется через оцепление, проползет на пузе, если придется, – но ничто и никто не заставит ее ступить на этот корабль-смертник.

Алина начала потихоньку пробираться к краю площадки, огороженной временной оградой из натянутой проволоки. Проволока не была, слава богу, колючей или подключенной к электрическому току, но через каждые двадцать метров за оградой стоял охранник с иссушенным лицом египетской мумии и автоматом наперевес. Медленно продвигаясь вдоль одинаковых, как верстовые столбы, моджахедов, Алина постепенно теряла надежду найти хоть одну лазейку в этой непроницаемой человекоограде.

В напряжении происходящего она отгоняла от себя вопрос – правомерно ли ее бегство, когда несколько сотен женщин с детьми ведут на заклание, как стадо коров на бойню. Если она сейчас попытается сообщить о том, что за участь им уготована – какую реакцию это вызовет? Моджахеды не знают языка – с этой стороны нет опасности. А люди – поверят ли ей люди? Алине всегда трудно было понять, как в многочисленных советских фильмах о Второй мировой войне сотня гестаповцев, пусть даже с оружием, могла направлять тысячную толпу в камеры смерти. Часто люди, даже зная о том, что их ждет, покорно шли, хотя могли бы задавить мучителей просто количеством, даже если бы пошли на автоматы – все равно же умирать!

Видно, каждый человек верит, что именно с ним случится чудо и он выберется из пердряги, именно он. Вот и Алина не собиралась сдаваться, хотя уже почти закончила обход площадки. Теперь нужно пробиться вплотную к трапу и попытаться соскользнуть в воду – что-то, а плавать Алина умела...

Ей, правда, сразу представилась кровавая сцена из типичного боевика – расстрел главной героини прямо в воде: бурлящее от автоматных очередей море вперемешку с кровью, всплы-

вающий труп красивой женщины (конечно же, лицом вверх), облипающая тело одежда, в нужных местах разорванная: очень романтическая сцена смерти. Алина критически осмотрела себя и вздохнула. Нет, после такого тяжелого дня никакого Голливуда не получится. Да и главные герои никогда не погибают: этому научил ее муж, большой специалист по боевикам...

В эту минуту Алина заметила, что один из «оловянных солдатиков», как она про себя назвала моджахедов, ведет себя нестандартно. Он, в отличие от остальных, очень внимательно рассматривал женщин и детей, толпящихся перед ним, прислушивался к приглушенным разговорам, сливающимся в монотонный шорох, похожий на шум прибоя, и, вылавливая из него какие-то знакомые звуки, улыбался одними глазами и насвистывал щемяще знакомую мелодию – не может быть! – «Подмосковные вечера».

Алина, работая локтями, пробилась к охраннику.

– Ты говоришь по-русски?! Учился в Союзе? В Москве?

– Нет, в Киеве...

– В Киеве! – потомственная киевлянка, Алина, как и все истинные ее земляки, забывала обо всем, услышав на чужбине название родного города.

– А где ты жил?

– На Андреевском спуске...

– Ой, а у меня там тетка жила! Там еще осенью каштаны все время катятся по асфальту вниз, невозможно поймать. Да... Но там же не было студенческих общежитий...

– Я жил у подруги. Мы собирались пожениться... – Охранник вынул что-то из кармана. Алина увидела гладкий, несколько не сморщившийся от времени каштановый орех, почти сливающийся по цвету с ладонью, на которой он покоился. На полированной скорлупе была жирно выцарапана буква «А» и едва различимо – сердце, пронзенное стрелой.

– Ее зовут Анна? – наугад спросила Алина.

– Нет, Алена. И волосы у нее были, как это по-русски, да вот такие, как этот каштан... нет, еще краснее.

– Рыжие?

– Точно, рыжие.

Тут их полную светлой ностальгии беседу прервал грубый оклик на арабском, от которого лицо Алининого собеседника мигом стало непроницаемым, а тело вытянулось в струнку. Алина оглянулась. Вокруг ограды за линией охранников начала растягиваться вторая цепочка оцепления.

Алина посмотрела на часы: через десять минут посадка. Оставался только один вариант – нырять. Она повернулась к трапу, на ходу соображая, как избавиться от джинсов и кроссовок, которые в воде станут пудовыми, когда кто-то тронул ее за плечо. Алина обернулась: это был тот самый русскоязычный моджахед. Настороженно оглядываясь по сторонам, он протягивал Алине заветный розовый листок.

– Возьми: не нашли эту фамилию... Все время смотрел, кому отдать, – всех жалко...

– Ты знаешь, что корабль взорвет?

Охранник молча кивнул. В темных глазах его была безысходность. Только сейчас Алина заметила, как он молод – совсем мальчик. Такого же, наверное, возраста, как ее старший.

– Что ты вообще здесь делаешь? Ты же учился, на врача, наверное...

– Да, ну и что? В Палестине работы нет, в Израиле работать не дают – война. И Алена из-за этого со мной не поехала. А жить на что-то нужно... И родственники насели: мечь за брата, за племянника, за соседа... Одна мать была против, плакала... Засунули в подразделение смертников – еле смог вырваться сюда, в сборный мусульманский отряд, – все-таки больше шансов остаться в живых: на войне как на войне... Теперь вот этот корабль... Ладно, давай скорее: я проведу тебя, чтобы не проверили документы... Если быстро выберешься – может быть, успеешь кого-то предупредить, осталось двадцать часов.

Он перелез через проволоку и начал прокладывать Алине дорогу к выходу. Она пробиралась за ним, почти уткнувшись носом в шуплую спину. Освобождение было буквально в двух шагах, когда воздух разорвал мощный гудок и почти одновременно – гортанные арабские выкрики и вопли женщин на иврите: «Уходит! Уходит!»

Алина обернулась. Странное дело – корабль отчаливал от пирса без единого пассажира. Вопли и причитания женщин и плач детей слились в отчаянную какофонию.

– Успокойтесь! – закричала Алина, рискуя сорвать голос. – Успокойтесь! Они все узнали, они все поняли! Готовился террористический акт, корабль собирались взорвать! Это счастье, что он ушел, – это спасение!

Ее голос утонул, конечно, в общем гуле, но те, кто стоял рядом, услышали. И Алина узнала, что значит сила толпы, что значит вера людей в то, во что они хотят верить, не прислушиваясь к голосу разума, и что значит пытаться отнять у них эту веру.

Они развернулись к ней – женщины, измученные ожиданием и только что потерявшие надежду вывезти своих детей из ада войны. Они тянули к ней руки и шипели, как дикие кошки; кричали, что она продалась русской мафии (судно было российским) и что она из тех, кто наживается на чужом горе; и что корабль, конечно же, возьмет людей – но тех, кто больше заплатит; и такие, как она, получают за это свою мзду и, уж конечно, лучшие каюты на корабле!

За весь этот долгий фантазмагорический день Алине ни разу не было так страшно, как в ту минуту. Если бы этот молодой араб, даже не понимая, что именно кричат на иврите, но верно оценив ситуацию, не дал из автомата короткую предупредительную очередь в воздух, обезумевшие женщины, вполне возможно, разорвали бы ее на части.

Моджахед вернул Алину к реальности, вынимая розовый пропуск из ее рук:

– Все, это уже не поможет: сейчас объявили, что все без исключения задерживаются в качестве заложников и через несколько минут начнется отправка во временный лагерь. Но в любом случае это лучше, чем взлететь на воздух с этой посудинкой.

И развернувшись, он стал протискиваться на свое место в линии оцепления.

Алина осмотрелась. Притихшие женщины, измученные ураганом эмоций и долгим бесполезным ожиданием, расположились кто на земле, кто на чемоданах. Дети большей частью пристроились у них на коленях. Картина выглядела почти пасторальной.

Алине взгрустнулось. Сейчас, когда самая страшная опасность отступила, она почти жалела, что рассталась с детьми. Что она скажет мужу, где она их найдёт?.. Но вспомнив истории о заложниках у мусульман, она поняла, что «хэппи энд» еще очень далеко и что решение отправить детей с Луизой и Оксаной было правильным, к каким бы последствиям оно ни привело.

Глава 2

Заложников привезли в школу, опустевшую, как многие общественные здания и частные дома Хайфы.

Почти все еврейское население просто «встало и вышло», узнав, что город будет сдан во власть сборных мусульманских отрядов. Кто смог, уехал за границу, кто-то – к родственникам, а большая часть переселилась в палаточные городки, разбитые вокруг Большого Тель-Авива.

Улицы города были пусты, как после взрыва нейтронной бомбы. Только в арабской части города теплилась жизнь, да и то большая часть израильских арабов решили переждать тяжелые времена у родственников по деревням – от греха подальше: иногда свои бывают страшнее чужих.

Алина стояла у окна в пустом классе, где взгроможденные одна на другую парты теснились вдоль стен, а в центре были свалены матрасы. Их доставили два пожилых араба – первые за этот день, кого Алина видела без оружия: наверное, из интендантской части...

По иронии судьбы Алина оказалась в школе, где учились ее старшие дети, когда они только приехали в Израиль. И дом, в котором они тогда жили, стоял рядом, на противоположной стороне улицы. Она вспомнила, как больше десяти лет назад, в таких же густых и пустых сумерках (на следующий день должна была официально начаться война) их такси, прокружив около часа по узким улочкам Хайфы, наконец-то остановилось, и смуглый водитель облегченно вздохнул, закончив долгий диалог с диспетчером на невозможно непонятном языке, который ей еще предстояло выучить.

В квартире, снятой у какого-то, как потом выяснилось, наркомана, было две достопримечательности: металлическая входная дверь с маленьким окошечком (видимо, для выдачи наркотиков) и пятиугольная комната-балкон, окна которой выходили на море. На следующий день ей пришлось под вой сирены надевать на детей противогазы... Алине вспомнилось, как первое, что она узнала по прилете, – это что во время бомбежки детей желательно укладывать возле внутренних стен, так как внешние при попадании бомбы разрушаются быстрее. Вот тебе и вид на море...

Этот дом, где она ни разу не побывала с тех времен, был связан в ее памяти еще с одной войной. Друг Йорама, старого знакомого Алины, воевавший в 1948 году в составе «Хаганы», рассказывал, что именно по этой улице и по стене этого самого дома проходила линия фронта – граница между арабской и еврейской частью города. Здесь погиб его младший брат, когда с рюкзаком, полным взрывчатки, попал в перекрестный свет прожекторов и с крыши этого дома в него выстрелил снайпер, тоже мальчишка лет восемнадцати... Где-то сейчас ее сыновья-солдаты?

На этом Алина приказала себе немедленно заканчивать с ностальгией: не до сантиментов. Пора возвращаться к реальной жизни. Как бы в ответ на ее мысли за спиной раздались совершенно реальные зычные женские выкрики на чистом русском языке:

– Давай-давай, двигайся! Детям спать пора. Ты что же, думаешь, бабы это на себе таскать будут?

Голос показался Алине знакомым. Она обернулась... Конечно же – это была ее старая знакомая, Марина. Крупная, с широкими бедрами, она, несмотря на габариты, достаточно ловко лавировала между группками людей на матрасах и при этом безапелляционно командовала двумя пожилыми арабами. Не понимая ни слова и будучи на самом деле хозяйками положения, они беспрекословно слушались эту белокурую фурию и освобождали от парт угол рядом с окном, то ли имея на этот счет специальные указания от начальства, то ли от большого уважения к такой красоте.

Марина заметила Алину и, шумно обрадовавшись, потащила ее устраиваться рядом с собой. Следом за Мариной, буквально вцепившись ей в подол юбки, следовали двое детей: светленькая девочка лет одиннадцати и цыганского вида малыш, на вид лет шести, как Алинин Рон. Не желая мешать Марине в отвоевании жизненного пространства (класс до предела наполнялся уставшими и раздраженными женщинами с детьми, полными готовности сражаться за места получше), Алина подозвала к себе ребятшек и осторожно погладила девочку по щеке. Глаза у той были от матери, а улыбка и овал лица – от отца.

Виктор был обаятельным мужчиной и, как ни запутывался в связях с женщинами, всегда выходил сухим из воды. Вот и сейчас устроился за Мариной как за каменной стеной. Впрочем, Алина даже порадовалась за нее – наконец-то не одна. Мальчик, по всей вероятности, уже их общий сын. Их старшие конечно тоже в армии, как и у Алины...

Алина попыталась приласкать, разговорить малыша, но тот дичился и молча выворачивался.

– Не старайтесь, – сказала вдруг девочка, – Йонатан не знает русского. И иврит очень плохо. Он только недавно приехал из Румынии и всех боится.

– Понятно, – Алина не стала задавать вопросов, как будто это само собой разумелось, что маленькие мальчики приезжают из Румынии, и именно в военное время.

Марина, отстояв угол, занялась созданием уюта, отгораживая его чемоданами.

– Ты как будто на века устраиваешься, – улыbnулась Алина.

– На века не на века, а жить будем как люди, сколько бы ни пришлось тут сидеть, – ответила Марина, привычным движением перехватывая розовой резинкой свои роскошные белокурые волосы. – И за детей я отвечаю: у них должны быть оптимальные условия.

– Да уж, оптимальные, – не удержалась от сарказма Алина, оглядывая класс.

Те, кто смог захватить приличные места, уже засыпали, а неудачницы, среди которых, конечно же, была бы Алина, не повстречай она бывшую приятельницу, еще тихонько огрызались на требования выключить свет, но и они уже укладывались где могли, почти смирившись с неудобствами.

Алина скользнула глазами по стенам. Схемы, рисунки... обычная школа. А вот огромный плакат, весь исписанный и изрисованный поздравлениями учительнице, с ее фотопортретом в центре и датой юбилея – ровно месяц назад. Алина машинально сделала в уме подсчет: знак зодиака – Скорпион.

– Ну теперь рассказывай, где все твои, ты почему одна? – Марина, уложив детей и устроившись на матрасе, наливала Алине в бумажный стаканчик ароматный кофе из огромного термоса...

Маринина запасливость и хозяйственность всегда служили предметом шуток общих знакомых. В далеком мирном прошлом, собираясь на совместный пикник и имея самое малочисленное семейство – она сама да десятилетний сын, Марина ухитрялась загрузить все машины одеялами, подушками и провизией. Сейчас эта ее способность оказалась как нельзя кстати: они с Алиной проводили остаток вечера в относительном комфорте.

Идиллию прервали гортанные голоса в коридоре. Дверь распахнулась. Главный моджахед, в окружении свиты переводчиков и охранников, делал первый обход. Переводчик, перекрикивая плач разбуженного младенца, сообщил, что, во-первых, сейчас обыщут все чемоданы и конфискуют мобильные телефоны и радио – никакой связи с внешним миром; во-вторых, в туалет выходить из класса только по одному (или одна мать с ребенком) в сопровождении охранника; в-третьих, окна можно держать приоткрытыми, но выглядывать из них запрещается – стреляют без предупреждения. Все вопросы передавать в письменном виде охраннику.

«Просто чувствуешь себя в демократической стране, – язвительно подумала Алина, – глядишь, и адвоката можно будет пригласить...»

Унизительные запреты вызвали в ней тихое бешенство и желание немедленно вырваться из плена любой ценой. От злости она не могла уснуть, несмотря на усталость, да и Марина не спала. Так они и проболтали до утра, прикончив запас кофе... Рассказывала, в основном, Марина:

– Мы с Виктором живем вместе уже пять лет. Даночка, как ты наверняка догадалась, – его дочка от покойной Ирины: она ко мне привязалась, хотя сначала с ней было очень непросто. Расписываться с Виктором я отказалась, чтобы не расслаблялся. Так он каждую пятницу предлагает мне руку и сердце, подкрепляя предложение цветами и подарками. А я держу его в напряжении и не соглашаюсь – то-то ему задачка: когда тут по другим бабам бегать? А то ведь раньше – вон сколько у него было... Например, твоя сестра...

Алина опустила ресницы, защищаясь от пронизательного взгляда Марины. В памяти всплыли картины прошлого: первая встреча с Виктором у Алины в конторе, куда тот пришел в надежде узнать о своей судьбе, запутавшись в отношениях с двумя женщинами; знак «странной смерти», который выдала астрологическая карта, – знак этот, как позже выяснилось, предрекал смерть его несчастной жены, потом – Дины, Алининой сестры. Хорошо, хоть сама Алина не так долго с ним встречалась. Теперь вот Марина...

Впрочем, Марина и Виктор уже пять лет вместе – и ничего еще не случилось... Вот и сегодня утром Марина чудом избежала смерти. Может, звезды немного подустали?

– А Йонатан, – Марина показала на юного румынского подданного, – мог бы стать твоим сыном.

Алина испугалась, что той все-таки стало известно про ее давний роман с Виктором.

– Да, – задиристо продолжала Марина, – а ты помнишь, как тебе предлагали полное обеспечение и содержание, если ты выйдешь замуж за семидесятилетнего старика и еще усыновишь его ребенка и подпишешь договор, что никогда не разведешься?

– Ах, – облегченно выдохнула Алина, – Йорам... Так что с ним?

– А то, что этот деятель жил и процветал в Румынии, женившись, в конце концов, на матери своего же ребенка. Месяц назад он решил приехать сюда в гости: поведать внуков и показать дочерям своего сына, то есть их сводного брата, – ну и попал в переделку! Вернуться в Румынию не смог – все гражданские рейсы отменили. Узнал, что будут вывозить женщин с детьми морем, прибежал ко мне, сунул мальчика в одну руку, пачку долларов – в другую (тут Марина еще больше понизила голос, а рукой машинально ощупала свою пышную грудь, проверяя, на месте ли заветная пачка), а сам побежал записываться в отряд гражданской обороны. Ну кому он там нужен, скажи мне?

– А как же ты с мальчиком общаешься, на каком языке?

– А так и общаюсь, – Марина ласково погладила спящего малыша по волосам, лицо ее посветлело, – находим язык.

Алина отвела глаза; в горле у нее встал комок.

– Да что мы все обо мне? – встрепенулась Марина. – А ты?

Алина вкратце описала все, что произошло с ней за этот день.

– Так вот почему они объявляли мою фамилию и номер паспорта! Я же по паспорту русская. Хотя ты знаешь...

– Да-да, – с готовностью закивала Алина, – дедушка по папиной линии...

– Ну вот, – расстроилась Марина, посмотрев на спящих детей. – Спали бы сейчас в гостинице «Россия», сходили бы на Красную площадь, если бы я утром не перетрусилась. Ни за что, думаю, не выйду – знаю я эти штучки...

– Скажи спасибо, что не попали на этот корабль.

Алина уже поняла, чей розовый пропуск сунул ей моджахед, – вот ведь неисповедимы пути Господни...

– Ладно, давай спать, уже четыре утра. Завтра, вернее, сегодня будет насыщенный день, слушай... – Алина начала зачитывать распорядок, который всем раздали во время визита начальства. – Подъём: 07—00. Еда: три раза в день. Стирка: с 14—00 до 17—00 (по одному из класса). С 17—00 по камерам – ой, извини – по классам будут ходить студенты медресе с переводчиками и читать лекции на тему «Роль ислама в мировой истории». Ну просто дом культуры и отдыха!

Про лекции Алина, конечно, приврала, чтобы немного развеселить Марину. Но Марина, раздосадованная потерей возможности оказаться с детьми в безопасности, да еще в Москве, уже развернулась лицом к стене и делала вид, что спит.

Глава 3

Несколько дней прошли незаметно, а главное, безнадежно. К туалету «в сопровождении» почти привыкли. К стирке вручную с куском мыла в тазиках с 14.00 до 17.00 тоже привыкли. К полной изоляции от внешнего мира привыкли еще быстрее...

Невозможно было привыкнуть к тому, что нельзя выйти за дверь, выглянуть в окно. «Шаг влево, шаг вправо – расстрел». Никто, правда, еще не стрелял, но ведь и повода старались не давать. Кормили вдоволь – как гусей на паштет, хоть на диету садись. Еду готовили арабские женщины в деревнях и привозили все с пылу с жару. Рис с чечевицей, питы, хумус, маслины... – все, что подавалось в мирное время в арабских ресторанах и считалось национальными деликатесами. Страна только недавно оказалась в изоляции, и потому продукты не экономили. Однажды притащили корзину с мандаринами – по классной комнате расплылся ностальгический аромат Нового года.

«А ведь Новый год через три недели, – подсчитала Алина. – Неужели придется встретить его здесь? Вся Европа украшена огнями, будет праздновать...»

Тут Алина вспомнила, что еще неделю назад (когда последний раз слушала новости) ситуация в Европе была совсем не праздничной. В Британии после прошлогоднего покушения на королевскую семью и гибели наследников осталась в живых только дочь принца, которая и стала королевой. Полгода она приходила в себя с помощью врачей и психологов, а потом, шокировав всю страну, объявила, что выходит замуж за своего давнего любовника – миллиардера из Саудовской Аравии, переплюнув тем самым покойную принцессу Диану.

Еще за месяц до объявления дня августейшего бракосочетания, что стало сюрпризом для всей страны, включая членов правительства, в британском парламенте совершенно демократическим путем был избран новый премьер-министр – гражданин Англии во втором поколении, сын иммигрантов из Пакистана, блестяще образован (выпускник Оксфорда) и от мусульманской веры предков отказываться не собирается.

В Германии члены мусульманской партии – представители преобладающей группы населения страны – праздновали победу, получив две трети голосов в бундестаге, и теперь шла борьба за президентское кресло.

В Бельгии и Голландии отряды террористов, подпольно субсидируемые Кувейтом и Саудовской Аравией, силой захватили общественные здания (прямо по «отцу-основателю» – почта, телеграф, телефон) и удерживали в них несколько сотен заложников...

Так что старушка Европа стояла на пороге больших изменений, и на скуку и пресыщенность ей жаловаться уже не приходилось.

На удивление спокойным местом оставалась Восточная Европа в отличие от стран бывшего Советского Союза, – там с незапамятных времен проживали миллионы мусульман. Они-то вовсю участвовали в глобальном процессе исламизации.

В Америке, как всегда, бряцали оружием и кричали что-то о реванше, но как-то неуверенно. Уж очень ситуация в мире не подходила под привычное для нее «пришел, увидел, отбомбил...»

И в самом центре этого «бурлящего котла мировой истории» сидела Алина, обхватив руками голову и мучительно размышляя, как вырваться из плена и найти детей.

Из раздумий о мировых проблемах Алину вывел спор двух женщин, чьи отпрыски не поделили игрушку. Как-то незаметно, видно, от нерастраченной энергии и отсутствия с нею детей, Алина за эти дни почти со всеми перезнакомилась и, к неудовольствию единоличницы Марины, время от времени пыталась развлечь народ гороскопами, чтобы хоть немного снять напряжение от замкнутого пространства и неопределенности положения. Вот и сейчас она подошла к спорящим и как авторитетный астролог объявила, что, согласно расположению

звезд, игрушка должна достаться вон той девочке на матрасе возле входной двери. Идея детям понравилась, они успокоились и побежали к девочке знакомиться. Мать девочки укоризненно посмотрела на Алину, явно недовольная, что их побеспокоили.

Эта женщина единственная не вступала ни с кем в контакт. Она вошла в класс последней, молча заняла свободный пяточок у входной двери, ничего не требуя, не предъявляя никаких претензий, хотя у нее, кроме девочки лет пяти, был грудной младенец. Безо всякого стеснения высвободив грудь, женщина покормила малыша и легла на матрас, прижав к себе обоих детей. И так каждый день всю эту долгую неделю.

Лицо женщины показалось Алине знакомым, и она копалась в закоулках памяти, пытаясь восстановить время и место, где пересекались их пути. Взгляд скользнул поздравительному плакату на стене, и Алина вспомнила: да здесь и пересекались – на родительском собрании в этой самой школе! Как она сразу не заметила – те же глубоко посаженные глаза за стеклами очков, плотно сидящих на длинном, с горбинкой, еврейском носу – это же она на портрете!

Алина вспомнила, как мучительно пыталась тогда что-то объяснить на еще непривычном иврите, а Рита (так звали учительницу) слушала ее с ангельским терпением и делала вид, что понимает. Алина еще не знала, что Рита была из русскоязычной семьи и могла бы без затруднений перейти на русский, но не стала унижать Алину, давая ей возможность почувствовать себя равной остальным родителям...

Рита перехватила взгляд Алины.

– Да, – сказала она теперь уже на русском, – ирония судьбы: проработать в этой школе семнадцать лет и здесь же стать заложницей. Заложницей школы и заложницей судьбы...

На этой загадочной фразе Алина вспомнила, что несколько последних ночей, когда она выходила в туалет, – а в туалет Алина отпрашивалась чаще других, чтобы изучить обстановку и в надежде встретить того русскоязычного моджахеда, – так вот, несколько последних ночей Ритино место пустовало, то есть девочка там спала, а вот Риты с грудничком не было...

Алина в задумчивости вернулась на свой матрас... Она нутром чувствовала, что это как-то связано с возможностью выбраться наружу. Возможно, Рита знает какую-нибудь лазейку – ведь недаром она проработала в этой школе столько лет!

Мысленно перебирая возможные варианты развития событий, Алина незаметно для себя задремала. Разбудил ее грохот, вспышки света, детский плач. С мыслью «Началось, бомбят!» Алина вскочила на ноги. Это оказалась обычная гроза, правда, первая и очень сильная. Порывом ветра распахнуло окно, створка стукнулась об стену и осколки стекла посыпались на пол... Алина решила проверить обстановку в коридоре и направилась «в туалет». Подойдя к двери, она глянула на место Риты и увидела, что проснувшаяся девочка всхлипывает, а Риты с младенцем нет. Алина присела на матрас и стала успокаивать девочку, пока та снова не заснула, положив головку ей на колени. Когда в дверь тихонько проскользнула Рита, она на секунду замерла, увидев Алину рядом с дочерью, но тут же взяла себя в руки.

– Спасибо тебе. Если не трудно, побудь еще немного с Майей – она боится грозы. Я скоро вернусь, – и осторожно ступая, она опять исчезла за дверью. Только сейчас до Алины дошло, что ребенка у Риты на руках не было.

Глава 4

Весь следующий день Алина многозначительно поглядывала на Риту, ожидая объяснения. К вечеру Рита сдалась...

– Я должна что-то тебе рассказать: может быть, ты сможешь меня понять, – она похлопала рукой по матрасу, приглашая Алину сесть рядом.

По части «понять» Алина была большим специалистом – и женщины это чувствовали.

Рита начала издали, с детства.

– Мои родители родом из Ташкента, бабушки эвакуировались туда во время войны... Отец преподавал в Ташкентском университете восточные языки и историю ислама. Он был одним из тех, кто переводил Коран на русский и языки среднеазиатских республик. У нас в доме постоянно бывали какие-то ученые и религиозные деятели из Ирана, Пакистана, Египта... Я была тогда маленькая, как Майя, – Рита кивнула в сторону дочери, – подробно-сти плохо помню. Все эти люди в тюрбанах и развевающихся одеждах казались мне героями любимых сказок «Тысячи и одной ночи». Я выросла с чувством уважения и любви к арабской культуре и мусульманской религии.

В Израиль мы приехали в семидесятых, первыми ласточками. Отец был полон энтузиазма, строил научные планы... Но все оказалось по-другому – совсем не так, как он предполагал. Здесь арабистика как наука никого не интересовала – и именно из-за роковой «близости к истокам». Свои знания отец мог применять только в прикладном смысле: переводы, расшифровки, прослушивания, прогнозы... Его взяли в какое-то военное ведомство, несмотря на то, что не очень доверяли «русским».

В конце концов его симпатии к мусульманам, его связи и переписка с друзьями и коллегами из арабских стран сослужили ему недобрую службу. Словом, карьеру он закончил простым учителем арабского языка. Тем не менее мне он не запрещал направиться по той же стезе. «Врага нужно знать в лицо», – грустно шутил он.

Так я стала студенткой Тель-Авивского университета. Поскольку арабский (чтение и письмо) я знала достаточно хорошо благодаря стараниям отца и вообще учиться было нетрудно, в университете у меня было много свободного времени, чтобы подрабатывать переводчицей на всяких конференциях и встречах, – иногда, кстати, с участием того же военного ведомства, где когда-то работал отец.

Деньги мне были необходимы, так как на учительскую зарплату отца невозможно было оплачивать университет, снимать квартиру и вообще существовать. Мать не работала, привыкнув еще в Ташкенте быть «профессорской женой». Она была настоящей красавицей. Майя очень похожа на неё.

Девочка, услышав, что про нее говорят, подняла на мать огромные глаза, в которых действительно можно было утонуть. Рита ласково улыбнулась дочери.

– Так вот, мать была красавицей, хотя совершенно не умела одеваться и была страшно рассеяна. Нас с братом в магазин одежды водил отец – ровно два раза в год, покупать один раз «зимнее», а один раз «летнее», хотя в Ташкенте, как ты понимаешь, большой разницы не было. Заодно он прикупал пару нарядов «для нашей мамочки», как он говорил, и на этом экипировка семьи на год заканчивалась.

Готовить мама тоже не умела, мы жили на полуфабрикатах, а когда ожидалась гости из-за рубежа, в квартире появлялись папины сотрудницы с кафедры и, шурша шелковыми платьями, легко и споро создавали на кухне невозможно вкусные блюда. Может быть, еще и поэтому приезд гостей всегда казался мне сказкой...

Здесь, в Израиле, все продолжалось точно так же – только с той разницей, что наш статус, а следовательно, и уровень доходов, намного снизился. Как ты понимаешь, с таким отцом,

да не имея маминой красоты, я росла, как говорится, «синим чулком». У мальчиков никогда успеха не имела и даже сильно по этому поводу не расстраивалась, считая, что мне и не положено.

Уже будучи студенткой встречалась какое-то время с однокурсником, мы даже квартиру сняли вместе, но тепла большого я от него не видела. Я штудировала кулинарные книги и посещала курсы «Как хорошо выглядеть работающей женщине», а он лениво принимал мои заботы и не протестовал, когда я платила за него в кино или в кафе, – ведь у меня всегда были подработки, а его почему-то никуда не брали.

И вот однажды меня приставили переводчицей к одному египетскому адвокату. Такой невысокий, невзрачный, в сером костюме, совсем непохожий на героев из «Тысячи и одной ночи». Мы общались с ним чисто профессионально, и уже через день после окончания конференции я забыла, как он выглядел и, наверное, даже не узнала бы его при встрече. Тем более меня удивило, что в следующий приезд он запросил для работы именно меня, – так мне сообщили в агентстве.

В конце первого же рабочего дня этот египтянин попросил меня помочь разобраться с документами у него в номере и, нервно теребя усы, которые успел отрастить и которые ему совершенно не шли, заявил, что я – женщина его мечты, что он понял это сразу, как только меня встретил, но боялся себе поверить и что весь этот месяц думал только обо мне.

Мне, с одной стороны, его слова очень польстили, а с другой – оскорбили: за кого он меня принимает? Я же не девочка по сопровождению, а переводчица! Это я и высказала ему в достаточно резкой форме, сделав упор на то, что отношения наши могут быть только рабочими и никакими другими. Адвокат погрузнел, извинился и проводил меня к выходу, а на следующее утро пришел факс, что его фирма отказывается от моих услуг и расторгает договор. Это был сильный удар по карману, так как контракт был хороший – на целых две недели. Под этот заработок я уже заказала билеты в Амстердам, чтобы сделать своему другу сюрприз на день рождения, – пришлось отказаться. Но больше всего меня задело пренебрежение моими профессиональными качествами, которыми я тогда очень гордилась.

Месяц спустя адвокат вдруг позвонил, попросил прощения за расторжение договора и сообщил, что опять приезжает по делам в Израиль и ему нужны мои услуги. «Только по работе», – не преминул он отметить.

Моя финансовая ситуация за тот месяц сильно ухудшилась. Речь шла уже не о поездке в Амстердам, а о содержании семьи. У отца нашли серьезное заболевание, нужны были деньги на операцию и вообще на ежедневное существование, ведь работать он не мог, а пенсию по возрасту еще не получал. У матери же пенсии вообще не было. Я собиралась взять академический отпуск и идти работать, несмотря на то, что до окончания университета оставалось всего полгода.

Конечно же, я согласилась и готова была переводить круглые сутки. О своем обещании ограничить отношения только работой клиент помнил два дня. На третий день начались домогательства с признаниями в любви жарким шепотом, с прижиманиями к стене. Я вырывалась, убегала, но назавтра приходила снова: мне очень нужна была работа...

Прошло две недели. Когда мы возвращались из Яфо по приморской трассе, адвокат свернул на безлюдный пляж и в который раз начал говорить о своей любви, одновременно запуская руку мне под юбку. Я перестала сопротивляться...

«Вот теперь, – сказал он проникновенно, – я самый счастливый человек на свете. Я понял, что ты меня тоже любишь».

Самое смешное, что он был недалеко от истины.

Мой университетский друг, учуяв изменения, наконец проявил ко мне серьезный интерес и даже предложил руку и сердце. Его после выпуска ждала должность военного переводчика,

а это стабильная работа, хорошая зарплата... Папе нужно было делать операцию за операцией, и я, конечно же, согласилась.

Любовь и брак были в моем понимании как-то не связаны, тем более что у Халида (так звали адвоката) в Каире уже была большая семья. Он приезжал в Хайфу приблизительно раз в два месяца, каждый раз на неделю, и мы много времени проводили вместе – «работа». И так несколько лет...

Представь, что при такой бурной сексуальной жизни я никак не могла забеременеть, пока мы с мужем не обратились в центр искусственного оплодотворения, – и вот родилась Майечка... А этот уже сам захотел появиться – мой арапчонок...

Чужие любовные истории всегда оказывали на Алину завораживающее действие...

– Да, но как, – спросила Алина, – это связано с тем, что происходит здесь?

– Что значит «как»? Ведь Халид – ты же его видела – у них тут главный...

Глава 5

Алина, совершенно потрясенная, собралась было забросать Риту вопросами, но в это время в дверях появился усатый переводчик.

– Не раздевайтесь, сейчас будет обход.

Алина вернулась в свой угол, зная, что Марина панически боится всяких неожиданностей. Та действительно ей обрадовалась.

– Кто это? – показала она глазами на Риту.

– Учила меня в ульпане, – соврала Алина, – сплетничали про всех соучеников: кто сейчас где...

Снова открылась дверь, и в класс вошел главный, как всегда со свитой.

«Надо же, Халид», – подумала Алина.

Теперь она разглядывала его совсем другими глазами. Он, конечно, не звезда Голливуда, но и не такой уж невзрачный, каким описала его Рита. Или это военная форма (к которой Алина, как большинство женщин, была равнодушна) делала его интересней?

Она так увлеклась, что не сразу почувствовала, как Марина пихает ее локтем в бок и шипит:

– Смотри, смотри! Ты что, не узнаешь? Это же Гоша, твой приятель!

Алина присмотрелась. Действительно, за главным шагала Гоша собственной персоной – бывший содержатель матросского притона, поставщик плотских развлечений всем известным людям города. Правда, свою деятельность на этом поприще он прекратил еще до войны (у Алины в голове прокрутилась, как в ускоренных съемках, трагическая история, резко изменившая судьбу Гоши) и открыл музыкальную школу для особо одаренных детей.

Сейчас переводчик представлял Гошу в качестве мэра города Хайфы, пришедшего проверить, в каких условиях содержатся заложники.

– Если есть вопросы, жалобы, предложения, вы можете их высказать господину мэру.

Тут Марина с несвойственной ей прытью схватила Алину за руку и вытянула на середину класса лицом к лицу с Гошей.

– У нас есть очень важное сообщение! Но мы просим личной аудиенции, конечно, в присутствии начальства, – Марина подхалимски взглянула на главного. Переводчик перевел, главный благосклонно наклонил голову.

Увидев это, и другие женщины начали что-то кричать, плакать, просить, окружая вошедших. Лицо главного застыло маской, а Гоша заметно побледнел.

– Все просьбы в письменном виде, – и делегация в полном составе поспешно ретировалась...

– Что ты планируешь им сказать, если нас вызовут? – спросила Алина.

– Какая разница? Ты у нас умная – ты и думай, а мне было важно, чтобы Гоша нас увидел.

Алина в который раз поразила Маринину могучему инстинкту выживания, но возразить ей не успела, так как в класс вошел моджахед-охранник и молча указал им обеим на дверь. Сопровождаемые охранником, обе женщины первый раз за эти дни сошли с дистанции класс – туалет. Насколько Алина помнила, этот коридор вел к кабинету директора школы.

Халид (Алина никак не могла привыкнуть к тому, что у главного моджахеда есть имя, как у любого нормального человека) сидел за директорским столом, закопавшись в бумаги. Не удостоив вошедших взглядом, он указал рукой на кресла для посетителей, в одном из которых восседал Гоша. Два моджахеда встали у двери в кабинет. Переводчик усадил заложниц напротив Гоши и отошел к директорскому столу. Алина с облегчением поняла, что никто не будет расспрашивать заранее, что такое важное они собирались сообщить мэру.

Беседовали на иврите, и довольно непринужденно. Гоша рассказал, что, воодушевившись собственными успехами на почве музыкального и эстетического воспитания подрастающего поколения, он решил баллотироваться в мэры Хайфы. И вот – ирония судьбы: два месяца назад его выбрали, прямо перед началом войны.

А теперь полюбуйтесь: мужчины мобилизованы, женщины вывозят детей, а он, как капитан корабля, не может бросить свой пост. Так и приходит каждый день в пустое здание мэрии и один стоит на страже интересов города: чтобы не было мародерства, чтобы шли платежи ремонтным бригадам, чтобы содержались в порядке водопровод и газ... Вот и сюда пришел – душа-то болит за всех...

– Гоша, – тихо заговорила Алина по-русски, заметив, что переводчик отвлекся, – мне в Москву нужно: я девочку свою с чужими людьми отправила, я обязана ее найти. Я знаю, что самолеты не летают, но у твоей сестры в Москве чартерная компания, ведь так?

Не меняя позы и нейтрального выражения лица, Гоша ответил ей в тон:

– Ты выберись отсюда, а Москву я тебе обеспечу. Раз в неделю есть самолет из Хайфы. Мой адрес ты знаешь; я после шести вечера теперь всегда дома. Телефоны, само собой, не работают. А вытащить тебя отсюда я не могу.

Алина в отчаянии отвернулась... И увидела в двух шагах от кресла моджахеда – того самого, который пытался ее спасти в морском порту. Он, конечно же, слышал все и все понял... Алина оцепенела, не зная, радоваться ей или плакать.

Поздно вечером, шепотом обсуждая с Мариной события прошедшего дня, они все-таки посмеялись, вспомнив, как Гоша не сводил глаз с крутых Марининых бедер, еле прикрытых растянутой до предела Алининой трикотажной юбкой (свой скудный гардероб Марина перестирала в порыве хозяйственного рвения и развесила сушить на отгородившие их угол парты).

Когда в классе все стихло, и даже Марина наконец задышала ровно и глубоко, Алина все еще мучительно размышляла, как же отсюда выбраться. Вдруг её внимание привлекла медленно расширяющаяся полоска света от входной двери. Может, Рите нужна помощь? Алина бесшумно поднялась с матраса, осторожно, стараясь не наступить на чьи-нибудь вытянутые ноги, перебралась к выходу, тихонько выглянула – и оказалась нос к носу со своим уже, практически, приятелем с Андреевского спуска.

– Как тебя зовут? – первое, что от неожиданности спросила она.

– Джабриль, а тебя?

– Алина.

– Так, Алина, я все слышал. Я тоже хочу в Москву: оттуда до Киева не больше суток на поезде. Уеду к Алене, заживу, как человек.

– Но Украина сейчас не самое лучшее место для жизни.

– Зато не надо будет, как сторожевому псу, охранять женщин и детей, а завтра еще, может, и стрелять заставят, а послезавтра наденут рюкзак со взрывчаткой – и привет...

– Так помоги нам с Мариной отсюда выбраться, а там уж мне обещали помочь...

– Нужно найти запасной выход.

– Я попробую узнать завтра, а ты вечером будь здесь в это же время.

Алина вернулась в класс. Риты с грудничком не было. Майя спала беспокойно, разметавшись и иногда всхлипывая во сне. Алина прилегла рядом с девочкой, чтобы дождаться Риту, и незаметно заснула. Рита вернулась только под утро, так что Алине пришлось отложить запланированный разговор до вечера.

– Слушай, мне нужно выйти отсюда, – прошептала Алина Рите, когда стемнело и все улеглись, – найти детей! Только ты можешь мне помочь.

– Он ничего не станет делать, – испуганно замахала руками Рита, – это грозит ему смертной казнью! Он и так из-за меня пошел на государственную измену...

– Какую измену? – не поняла Алина.

– Ты знаешь, что корабль собирались подорвать в нейтральных водах? Так вот, родственник Халида, инженер – учился, между прочим, в Союзе – участвовал в минировании корабля. Большие деньги платили. Халид узнал об этом плане за два дня до отплытия. Говорил, что чуть с ума не сошел от страха, – мы-то договорились встретиться в Греции, он и квартиру уже нам снял, билеты были куплены. Он до прошлой недели был в Египте, я с детьми – здесь, последние дни жила не дома, а у подруги: ее муж в армии, родителей она отправила к родственникам в Ашдод – вот ей и страшно было одной.

Халид, поняв, что меня ему не найти: связи-то нет, подбросил письмо в российское посольство в Каире: корабль-то был русский. Если бы его поймали – смертная казнь без суда и следствия! Ты знаешь, в Египте не церемонятся. А потом он записался в этот сборный отряд, пытаюсь сюда добраться и найти меня...

– Подожди, – перебила ее Алина, – ему и не нужно ничего знать! Ты ведь работала здесь столько лет – где второй выход? Все остальное я устрою сама.

– Запасной выход в спортивном зале. Это недалеко от туалета, направо по коридору метров сто, потом налево. Пройдешь через спортзал, в правом углу дверь: там выход прямо на улицу. Только он заперт. Я утром ключ тебе достану, а сейчас я уйду. Полежи, пожалуйста, опять сегодня с Майей, – Рита просительно посмотрела на Алину, но та уже поднималась на ноги. За дверью должен был ожидать Джабриль. Быстро передав Джабрилю информацию, Алина развернулась, но моджахед остановил ее.

– Подожди, не так быстро: нужно проверить ключ – он может не подойти, потом, по дороге туда есть еще один класс, там тоже стоит охранник. Он может заинтересоваться, куда я вожу партиями женщин, а они не возвращаются. Значит, нужно дождаться, когда дежурить будет мой земляк, – он придирается не станет. И последнее: по дороге к спортзалу есть комната для учителей, ее приспособили нам для отдыха. Это не самый лучший путь, даже ночью. Так что не гони коней... – Джабриль гордо улыбнулся, довольный тем, как удачно ввернул русское выражение.

Вернувшись в класс, Алина устроилась на матрасе возле Ритиной дочки. Заснуть не получилось... Несмотря на кажущуюся простоту созревшего плана, побег был очень рискованным. Халид пока не зверствует – жить, как говорится, можно. Может быть, спокойней будет подождать?

Алина была уверена, что власти не оставят заложниц на произвол судьбы, – она слышала, что среди пленниц оказались несколько жен и дочерей высокопоставленных членов правительства, их дети и внуки... Одна и вовсе была журналисткой «Нью-Йорк Таймс» – она имела неосторожность приехать с детьми навестить родителей. Женщины собирали по кругу деньги и золото, чтобы заплатить моджахеду, согласившемуся передать по интернету весточку родителям американки, лелея надежду на международную огласку.

Что заставляет Алину так рисковать, оправдано ли это? Ведь в случае неудачи могут и казнить... Они ни перед чем не остановятся: подумаешь, человеком больше, человеком меньше... С другой стороны, если начнутся уличные бои, шансы выжить здесь уменьшатся до минимума... Кого интересуют двести-триста человеческих жизней, если в пламени войны будут гибнуть миллионы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.